

К 232-й годовщине взятия Бастилии

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Контрреволюционный мятеж, вспыхнувший в департаменте Вандея (столица Нант) в марте 1793 года как протест против насильственного рекрутского набора, стал самым отчаянным и долгим очагом сопротивления революционной власти. Перекинувшийся в соседнюю Бретань, где повстанцы называли себя шуанами, а затем и в Нормандию, мятеж получил название Вандейской войны. Войны, которая, по словам историков, «известна в ее целом, но менее известна в деталях», а по определению Виктора Гюго, «война темных людей, война нелепая и блистательная, отвратительная и великолепная, которая подкосила Францию, но и стала ее гордостью».

Одним из эпизодов Вандейской войны является Киберонская экспедиция, снаряженная летом 1795 года эмигрантами при содействии английского правительства для оказания поддержки роялистам Вандеи, Бретани и всего западного побережья Франции. В состав армии эмигрантов вошли также французы, оказавшиеся в английском плену и завербованные роялистами, либо добровольно согласившиеся встать под белые знамена. Впрочем, многие из них, едва оказавшись на континенте, воспользовались представившимся случаем и перешли на сторону Республики.

К полуострову Киберон, этому вдающемуся в море узкому клочку суши, были направлены шестьдесят транспортных судов, с десятков фрегатов и несколько небольших парусников. В задачу английских кораблей входила не только доставка армии эмигрантов, оружия, боеприпасов и обмундирования для отрядов шуанов, встречавших помощь на берегу, но и поддержка «белых» повстанцев огнем из корабельных орудий. Сражавшихся за короля именовали «белыми» за белый цвет королевского флага и белые шарфы, которые носили на поясе генералы вандейской армии. «Белые» же именовали республиканских солдат «синими» — за синие мундиры.

Начавшаяся 23 июня, Киберонская экспедиция завершилась уже 21 июля сокрушительным поражением роялистов. Несмотря на

поддержку огнем со стороны англичан и шуанов (последние действовали на побережье), молодой республиканский генерал Лазар Гош разгромил высадившиеся с небольшим промежутком дивизии эмигрантов — одну во главе с графом д'Эрвийи, другую во главе с графом де Сомбрейлем. Ему удалось вытеснить противника на полуостров, подступы к которому защищал форт Пантьевр. Гош писал: «...англичане-эмигранты-шуаны заперты, словно крысы, на Кибероне, и я надеюсь, что скоро мы разобьем их». Штурм форта республиканцы предприняли в штормовую ночь, когда английская корабельная артиллерия не могла обстреливать берег, не рискуя попасть в своих. К тому же часть солдат армии роялистов, тех, кого завербовали из числа французских пленных, перешла на сторону Республики. Форт был взят при минимальных потерях со стороны «синих».

Английские корабли сумели эвакуировать лишь малую часть окруженных и отрезанных от берега эмигрантов и шуанов. На английском судне бежал и главнокомандующий операцией, граф Жозеф де Пюизе. Несколько тысяч дворян и шуанов попали в плен. Попытка восстановить королевскую власть и дать новый толчок гражданской войне провалилась.

Когда наступление «синих» на Кибероне уже невозможно было остановить, тогда, желая спасти остатки эмигрантской армии, маркиз де Сомбрейль, вступив в переговоры, пообещал сложить оружие и убедить английский корвет перестать обстреливать берег, если с его людьми обойдутся как с военнопленными. Иначе говоря, согласился капитулировать. Но когда эмигранты сложили оружие и позволили беспрепятственно доставить себя в тюрьму ближайшего городка Оре, оказалось, что произошло «недопонимание» и с обеих сторон «пожелания были приняты за обещания». Никто в армии «синих», а главное, генерал Гош, не подтвердили, что речь шла о капитуляции. Присланные же Конвентом народные представители (комиссары с широчайшими полномочиями) Блад и Тальен тем более не собирались считать сдавшихся эмигрантов военнопленными. Созданная на месте военная комиссия (чрезвычайный трибунал) из пяти человек, которые, опираясь на законы Республики, требовали уничтожать любого эмигранта, сражавшегося против Франции и захваченного с оружием в руках, вынесла пленникам смертный приговор. Расстреляли почти

тысячу французов старше 16 лет, сражавшихся за дело короля. Для большинства крестьян-шуанов генерал Гош сумел добиться помилования. Комиссия посчитала возможным освободить троих эмигрантов. Шестеро совершили побег. Очень многие утонули или погибли от голода и болезней в бухте Киберона на острове Уа, куда прибыл граф д'Артуа; впрочем, поняв, что ситуацию ему не переломить, будущий король Карл X, даже не сойдя на берег, отплыл обратно в Англию.

Автором простодушных и трогательных воспоминаний, озаглавленных «Рассказ офицера, бежавшего из тюрем Оре и Ванна после разгрома Киберонской экспедиции»¹, является непосредственный участник событий шевалье де Панат. Эмигрант, морской офицер, сражавшийся под командованием де Сомбрейля, он один из тех немногих, кому удалось бежать и тайно пробраться на корабль английской эскадры, которой командовал адмирал Джон Уоррен. Доставивший войско эмигрантов на Киберон, Уоррен еще некоторое время продолжал крейсировать возле берегов Франции.

Текст воспоминаний приводится по изданию: *Bibliothèque des Mémoires relatifs à l'histoire de France pendant le 18e siècle./ Avec introduction, notices et notes par M. de Lescure. P., 1877.*

Елена МОРОЗОВА

¹Настоящая публикация озаглавлена «Рассказ офицера, воевавшего на Кибероне».

Шевалье де Панат

РАССКАЗ ОФИЦЕРА,
ВОЕВАВШЕГО НА КИБЕРОНЕ

Если бы рассказ об опасностях, коих мне посчастливилось избежать, не был связан с одной из величайших катастроф, случившихся во время французской революции, я бы не стал занимать время читателя; вспоминая сегодня о тех гибельных обстоятельствах, я далек от желания привлечь интерес к себе: его заслужили другие несчастные.

Произошла капитуляция; условия ее были нарушены; жестокость судей сослалась на коварство военных.

Будучи одним из немногих, спасшихся после тех убийств, мне не терпелось отплатить свидетельством любви и признательности моим великодушным благодетелям, кои, невзирая на препятствия и опасности, вырвали меня из лап смерти.

О, друзья мои! Признаюсь, выражение моей признательности дойдет до вас из чужой земли, из тех краев, где умеют воздавать должное добродетели и уважать несчастье. Мне хотелось бы, чтобы ваши имена стали известны всем чувствительным сердцам, но я вынужден скрывать их, ибо у меня на родине все еще не перевелись тираны.

Глава I

Захват форта. — Капитуляция. — Благородный поступок г-на де Жери. — Человечность республиканских офицеров.

21 июля, в пять часов утра, солдаты, свободные от несения службы в форте Пантьевр, все еще находились в своих расположениях. Услыхав, как трубят общий сбор, Королевский морской полк собрал-

ся в полном составе; во главе нас встал граф де Суланж, несмотря на то, что 16 июля, во время попытки прорвать блокаду полуострова, он был тяжело ранен. Мы отправились к маленькой мельнице, где в боевом порядке выстроилась дивизия г-на де Сомбрейля. Мы еще не знали, что «синие» взяли форт Пантьевр, и думали, что он всего лишь подвергся нападению.

Едва г-н де Сомбрейль успел отдать ряд приказаний, как мы увидели, что тремя колоннами на нас наступает враг, причем две колонны надвигались вдоль берега моря, справа и слева, намереваясь взять нас в клещи.

Центральная колонна, состоявшая из нескольких рот гренадеров и пехоты, двигалась непосредственно к нашему участку фронта, и впереди нее шли несколько стрелков, особенно нас донимавших.

Когда колонна приблизилась к нам на расстояние ружейного выстрела, множество наших солдат с криками «Мы республиканцы!» перебежали к врагу. Но среди них я не заметил никого ни из дивизии г-на де Сомбрейля, ни из Королевского морского полка. Г-н де Сомбрейль отдал приказ перейти в следующее укрепление и там всем собраться. Когда мы туда добрались, то увидели, как многие солдаты бегут на берег, садятся в лодки и пытаются вернуться на корабли. Там же, на берегу, столпилось множество стариков, детей, женщин, тех, кто с самого начала искал убежища на Кибероне; торопясь сесть в шлюпки, они погибали у нас на глазах. Душераздирающее зрелище! Позабыв о собственных несчастьях, мы оплакивали участь этих невинных жертв.

В новом укреплении г-н де Сомбрейль собрал всех, кто остался в живых из высадившихся на остров дивизий. Английский корвет «Жаворонок» бросил якорь совсем рядом с берегом и обстреливал из пушек центральную колонну «синих»; две же остальные колонны по-прежнему маневрировали, намереваясь окружить нас с обеих сторон.

Видя, что ситуация складывается не в нашу пользу, г-н де Сомбрейль, взмахнув рукой, в одиночку двинулся навстречу врагу. Колонна остановилась. Командовавший ею генерал Гош вышел вперед и в сопровождении двух офицеров своего штаба направился навстречу графу. Громко, как только мог, г-н де Сомбрейль обратился к генералу: «Люди, что сражаются под моим командованием, готовы погибнуть под развалинами укрепления; но если вы позволите им вернуться на корабли, вы сохраните французскую кровь». Гене-

рал Гош ответил ему: «Я не могу позволить им вернуться на английские корабли; но если вы сложите оружие, с вами обойдутся как с военнопленными». — «А будут ли условия капитуляции относиться также и к эмигрантам?» — спросил г-н де Сомбрейль. — «Да, — ответил генерал Гош, — ко всем, кто сложит оружие». Договорившись об условиях капитуляции, генерал Гош спросил у г-на де Сомбрейля его имя. Узнав его, он произнес: «Что касается вас, сударь, вам я не могу ничего обещать». — «Но я веду с вами переговоры о капитуляции не ради себя, — ответил г-н де Сомбрейль. — Я умру довольный, если буду знать, что мне удалось спасти жизнь своим отважным боевым товарищам».

Вернувшись в форт, г-н де Сомбрейль сказал нам: «Господа, я добился таких благоприятных условий, какие только возможно получить в данных обстоятельствах. Я обязался уговорить вас сложить оружие; прекратите сопротивление и сообщите на корвет, чтобы остановили огонь». Он скрыл от нас, что принес себя в жертву. Несколько человек, знавших английский, отправились на берег и стали кричать, стараясь докричаться до тех, кто в шляпках, чтобы они не возвращались, потому что мы капитулировали. Корвет «Жаворонок» продолжал обстрел, и г-н де Жери, морской офицер, бросился в воду, вплавь приблизился к корвету и велел ему прекратить огонь. Соблюдая условия капитуляции, он вернулся к нам... чтобы найти смерть, которой легко мог избежать. Благодаря его беспримерному поступку память о нем останется священна. Вскоре в форт пришли три офицера Республики и несколько солдат. В этот жестокий день со мной все время находился мой боевой товарищ и друг г-н д'Антрешо. Я предложил ему поговорить с одним из прибывших офицеров, лицо коего внушило мне доверие. «Вы видите, сударь, — обратился я к нему, — какое несчастье нас постигло; поэтому прошу вас, избавьте нас от оскорблений, выслушивать которые нам мучительнее, нежели умереть». Сей офицер склонился к шее моего коня: «Послушайте, — ответил он, обращаясь одновременно к нам обоим, — неужели вы считаете, что ваши несчастья меня не тронули? Раньше я служил тому же делу, что и вы, и не меньше вас старался быть ему полезным. Но убежище от тирании для себя и для своей семьи я нашел только в республиканской армии; поэтому, ради всего святого, если есть возможность, садитесь на корабль и уплывайте». Мы сказали ему, что шляпки отослали, так как было принято

решение о капитуляции... Тогда он попросил нас следовать за ним. Мы покинули форт как раз тогда, когда верхом в него въехал Тальен; выражение его приятного лица было не дерзким, а напротив, исключительно кротким. «Вот уж, действительно, день, полный неожиданностей!» — воскликнул я. «Вы правы, сударь, — сдержанно ответил Тальен; затем он обратился к г-ну де Сомбрейлю: — Ах, как я сочувствую вашей несчастной семье!» — «Я надеялся отомстить за нее, — ответил г-н де Сомбрейль, — но теперь, по крайней мере, я не менее стойко сумею перенести свои несчастья». Вскоре Тальен приказал отвести пленников в деревушку Сент-Барб, где расположился штаб республиканской армии.

Республиканский офицер повел нас извилистым путем.

Мы прошли через армейские расположения, ни разу не услышав ни оскорблений, ни единого дурного слова в наш адрес; повсюду мы видели только интерес к нам и жалость. Прибыв на соседний пост, наш новый друг позвал офицера и сказал ему: «Позаботьтесь об этих господах; они сделали все, что в их силах, чтобы не проливать кровь республиканцев». И обняв нас, он ушел. Он наверняка выполнял какое-то особое поручение, ибо мы больше его не видели. И как было бы прекрасно, если б однажды сей деликатный и великодушный человек прочел эти строки и узнал, какое неизгладимое впечатление оставил он в наших сердцах! Офицер, которому он нас отрекомендовал, привел нас к себе в палатку и предложил нам угоститься угольно-черным хлебом, извинившись за качество его и количество: «У нас маленький рацион, но я рад возможности разделить его с вами, — сказал он и тихо добавил: — Республика — это прекрасно, но мы умираем с голоду». — «Вскоре у нас будет гораздо больше причин жаловаться, чем у вас», — сказал я ему. «Не обманывайте себя, — ответил он мне, — у вас есть два титула, которые в этом краю обладают огромной силой: вы несчастны и вы роялисты. Вы еще увидите, как быстро люди придут поддержать вас. Вы находитесь на дружественной и гостеприимной территории и даже представить себе не можете, как давно вас здесь ждали. Я только что проехал весь этот край, и всюду на нашем пути царил печаль; матери, показывая на нас своим детям, говорили: смотрите, это они поддерживают сей ужасный Конвент! Совершенно очевидно, — прибавил он, — что вы не сумели воспользоваться выпавшей вам благоприятной возможностью. Если бы вы одержали хотя бы крошечную

победу, вряд ли события приняли бы нынешний оборот. Тальен это чувствовал, и употребил все возможные средства, чтобы побудить войска атаковать форт».

Мы продолжали беседовать с этим простым и дружелюбным человеком, когда к нам в палатку вошли республиканские офицеры; некоторых привело к нам любопытство, но большинство проявляло к нам искренний интерес. Все они держались достойно и надеялись на лучшее для нас. Многие из них побывали в тюрьмах во время тирании Робеспьера; они знали, что такое несчастье, понимали наше состояние и относились к нам уважительно. Они старались приобрести нас, говорили, что армия с радостью восприняла нашу капитуляцию и что никто не осмелится нарушить ее условия. Эти речи вселяли в наши сердца надежду, а почтение, с которым к нам относились солдаты, поддерживало ее. В их речах, обращенных к нам, звучало сочувствие. А если кто-то из «синих» узнавал в ком-нибудь из офицеров-эмигрантов своего земляка, из одного края или из одного города, он тотчас старался услужить ему, и вскоре от предубеждения и ненависти, ставших причиной стольких преступлений и несчастий, не осталось и следа.

В четыре часа пополудни объявили общий сбор; поступил приказ собрать пленников в одном месте и подготовить их к отправке в Оре.

Глава II

Отбытие в Оре. — Я могу спастись, но возвращаюсь в колонну. — Спокойный сон г-на де Сомбрейля. — Трогательное сочувствие, проявленное женщинами к нашим несчастьям. — Софи.

Республиканский офицер проводил нас к месту сбора, где и отрекомендовал своему другу. Также он пообещал сообщать нам обо всем, что будет происходить; «И не тревожьтесь, — добавил он, — общественное мнение за вас».

Вся армия верила этим словам, и никто не подозревал о коварстве Тальена, уже создававшего трибуналы для суда над эмигрантами.

В пять часов нас выстроили в колонну, и в окружении двух шеренг солдат мы двинулись в Оре. Перед отбытием республиканский офицер, командовавший сопровождением, сказал г-ну де Сомбрейлю,

что с нами будут обращаться почтительно, как с военнопленными, а потому он надеется, что никто не будет пытаться бежать. Конвой наш был не особенно многочисленный и к тому же очень уставший; плохие дороги заставляли нас на каждом шагу нарушать порядок и идти в обход по полям; время же было позднее, и кругом царил мрак. Когда я вынужденно остановился, колонна обогнала меня; пытаюсь догнать ее, я заблудился и стал громко призывать помощь; мне ответили, и вскоре из темноты вышли два солдата, которые и вывели меня к нашему отряду, где я присоединился к своим товарищам. Пленники в полном составе прибыли в Оре, никто не скрылся по дороге, хотя каждый прекрасно понимал, что ему грозит; но полагая честь превыше жизни, они явили пример поистине религиозной и героической верности своему слову.

На подходе к Оре офицер сопровождения сказал мне, что нас запрут в церкви, и посоветовал мне войти в первых рядах, чтобы занять место поудобнее, а именно на каменной скамье возле колонны. Мы прибыли в Оре вечером, в половине десятого; когда мы шли по улице, все женщины прилипли к окнам, стараясь разглядеть нас при свете факелов. Вглядываясь в их лица, я видел выражение самого искреннего сочувствия: у всех из глаз текли слезы, все взоры были устремлены на нас, и во многих читался затаенный ужас — казалось, они боялись увидеть среди нас сына, или брата, или друга. Пленники шли молча. Ночь придавала этой сцене неизъяснимое величие и трогательность, определить истоки коих я бы не решился.

Нас отвели в указанную церковь. Устроившись на каменной скамье, я вскоре заметил г-на де Сомбрейля. Он стоял и высматривал место, где можно сесть. Я предложил ему разделить со мной скамью; он согласился, и так мы познакомились. Он беспрестанно говорил со мной о бедах дня сегодняшнего и полностью раскрыл мне свое сердце. У него не было никаких иллюзий относительно участи, ожидавшей его; однако, недоступная страху, эта юная и гордая душа живо сожалела о славе. Ожидавшая его блестящая карьера прервалась в самом ее начале, и он испытывал горечь от того, что не сможет выполнить свое предназначение. Сладостные и трогательные воспоминания смягчали печаль: совсем недавно ему пришлось проститься с любовью, и теперь ему не суждено унести с собой нежное звание супруга! Наконец, измученные и усталые, мы заснули. Проснувшись первым, я сразу же взглянул на г-на де Сомбрейля: какое спокойное

выражение лица! У меня из глаз невольно выкатилось несколько слезинок при виде столь красивого, молодого и исполненного надежд человека. В восемь часов утра в церковь пришли муниципальные служащие, чтобы составить списки офицеров и отделить их от солдат; для волонтеров-дворян из полков Блуа и Дама сделали исключение, причислив их к офицерам. Всего нас оказалось пятьсот семьдесят пять. Нас отправили в здание, превращенное в тюрьму, и разместили в семи помещениях.

В четыре часа дня за нами прислали подразделение, солдаты которого, собрав нас, погнали по дороге на Лорьян, где под ружьем находились три тысячи человек. Идя по городу, мы видели, с каким сочувствием провожали нас взгляды его жителей. Они были убеждены, что нас ведут на казнь; многие среди нас тоже так думали, и сострадание горожан растрогало нас. Мне нередко приходилось сталкиваться с тем, что душа, закаленная в печалях, легко поддается жалости. Солдаты пытались смягчить гнетущее впечатление, произведенное нашим шествием.

В восемь часов мы вошли в Оре под звуки музыки, перекрываемые радостными криками горожан. Они принесли нам вина и фруктов, которые солдаты полностью, без остатка передали нам.

23-го, в восемь часов утра, к нам в тюрьму пришли женщины. Они были набраны по разнарядке для хозяйственных работ, однако, чтобы попасть в их число, надо было пользоваться доверием властей. Эти женщины, молодые и красивые, тотчас окружившие нас почтительными заботами, а затем с неподражаемым изяществом принявшиеся выполнять самую черную работу, являли собой поистине трогательное зрелище. Женщины из народа, отличавшиеся услужливостью и добротой, казалось, объединились в едином порыве доброжелательности и человечности. В дальнейшем неприметном закутке я заметил старательно трудившуюся молодую девушку: лицо ее дышало свежестью, а манеры свидетельствовали о чувствительности и робости ее натуры. Далекий от любых предположений о том, какую работу ей предстояло выполнять и как мне надобно обходиться с ней, я подошел к девушке, влекомый исключительно неким тайным чувством. «Похоже, — заговорил я, — постигшие нас несчастья вызывают у вас живое участие?» — «А разве можно смотреть равнодушно на ваши страдания?» Она произнесла эти слова самым трогательным тоном, уронив при этом несколько слезинок.

И тут же добавила: «У меня эмигрировал брат, которого я нежно люблю, и мне ничего не известно о его участи». Оказалось, что я хорошо знал ее брата, а потому приободрил ее; затем мы расстались. Я заметил, как, уходя, она бросила взгляд на мое платье; через некоторое время она вернулась с полным комплектом одежды. «Моя тетя, — сказала она мне, — взяла на себя обязанность кормить вас и ваших товарищей; я же каждый день буду приходить вас проведать: поверьте, судьба ваша мне совсем не безразлична». Растрогавшись, я ласково сжал ее руки. Вскоре мне представится возможность с восхищением наблюдать робкие и благодатные порывы ее натуры, кои с великой силой пробуждает в сердцах чувствительных созерцание несчастий. Я убедился, что если для высших замыслов гения требуется одиночество, то великие и благородные сердечные чувства рождаются в несчастье. Уверенный, что в привычном течении жизни отношения в основном развиваются незаметно, я неожиданно обнаружил, что в определенных ситуациях они разворачиваются стремительно. Я познакомился с Софи не более часа назад, но она уже стала моим другом и сделала для меня все, что, преодолев страх, может совершить деятельная дружба. С этого момента она не переставала сочувствовать моей участи, и малейшая опасность повергала ее в состояние тревоги; к ее искреннему беспокойству вскоре присоединились ласковые слова утешения. Подле нее я упивался той чистой негой, которой, похоже, само Небо наполнило сердце этой скромной и чувствительной девушки.

В последующие дни к нам в тюрьму постоянно приходили местные жители и приносили нам самую разную еду. Иногда солдаты даже упрекали их: «Для нас у вас не было ничего, а сейчас для ваших любимчиков-роялистов вы сразу нашли все необходимое». — «Но послушайте, граждане, — отвечали женщины, — разве не следует помогать несчастным?»

27-го я прочитал отчет Конвенту от генерала Гоша. Его последняя фраза была следующая: «Эмигрантам, зажатым между водой и огнем, не оставалось ничего иного, кроме как сдаться». Он ни слова не сказал о капитуляции. Такое, явно намеренное, умолчание внушило мне самые живейшие страхи. Я попросил позвать к окошку Софи, ибо, начиная с 26-го, женщинам запретили входить к узникам. Софи немедленно подошла. Я обратился к ней с просьбой как можно скорее разузнать, что ждет нас, и сообщить мне все без прикрас. «Если вас ждет печальная

участь, — отвечала она, — я ни за что не решусь сказать вам об этом». Я заверил ее, что смерть меня не пугает, но чтобы избежать ее, я должен заранее все знать. И мы договорились, что если ей не удастся написать мне, она придет в тюрьму с черной вуалью на голове.

Глава III

Епископ Доля и господин де Сомбрейль. — Казнь.

28-го, в два часа пополудни, унтер-офицер жандармерии пришел за господами де Сомбрейлем, Жозефом де Брольи, де Ла Ланделем и предводителями шуанов, а также епископом Доля и четырнадцатью священниками, чтобы препроводить их всех в Ванн. Их отъезд пробудил в нас тревогу, хотя офицеры-республиканцы и успокаивали нас. Прошел даже слух, что г-н де Сомбрейль вызван в Париж. Вскоре пришла Софи; она сообщила мне, что восемнадцать пленников заковали в цепи, посадили на телегу и отправили в Ванн.

29-го наши знакомые офицеры предупредили нас, что уже назначили военную комиссию, состоящую из людей достойных, и посоветовали нам предупредить всех, что, когда их вызовут, необходимо настаивать на том, что была капитуляция.

В восемь часов пришли за г-ном де Суланжем и еще пятнадцатью заключенными: они предстали перед военной комиссией, которая, допросив их, заявила народному представителю, что она не может осудить пленников, которые, по свидетельству многочисленных солдат, согласились на капитуляцию.

В два часа дня возмущенные офицеры-республиканцы пришли к нам: исполненные сожалений и возмущения, они заявили, что лучше умрут, чем станут принимать участие в какой-либо комиссии. Офицеры из штаба, видя такой настрой в армии, стали выбирать судей из бельгийцев и прочих иностранцев.

30-го, в 7 часов, в Ванн прибыл генерал Лемуан, человек грубый и жестокосердый, не знакомый с добрыми нравами. Он распустил военную комиссию, созданную в Оре, а вместо нее приказал создать четыре новых. Когда же все офицеры отказались войти в их состав, он поднял на ноги армию и пригрозил немедленным расстрелом всем, кто откажется участвовать в работе комиссии. Он составил две

комиссии из бельгийцев и одну из французов; и в каждую входили по одному подполковнику, одному капитану, одному сержанту, одному капралу и одному рядовому пехотинцу. Из вновь созданных трех комиссий одна была направлена в Оре, вторая на Киберон, а третья осталась в Ванне, где тамошний суд, уже начавший свою работу, только что вынес приговор г-ну де Сомбрейлю.

В девять часов я получил записку от Софи вот с такими словами: «Сердце мое разрывается! Спасайтесь!»; рядом другой рукой было кратко изложено содержание допроса пленных и сообщалось об их казни в Ванне. Сей рассказ показался мне необычайно трогательным, а посему я приведу его полностью:

«29-го г-н де Сомбрейль предстал перед военной комиссией. Сообщив свое имя, возраст и время, когда он оправился в эмиграцию, он добавил: “Я жил и умру роялистом. Готовый предстать перед Богом, я клянусь, что была договоренность о капитуляции и одним из ее условий было признание эмигрантов военнопленными”. Сказав это, он повернулся к окружавшим его солдатам: “Я обращаюсь к вам, гренадеры! — воскликнул он. — Засвидетельствуйте, ведь я капитулировал у вас на глазах. — Да, мы подтверждаем его слова!” — хором ответили солдаты.

В тот же самый день допрашивали и г-на епископа из Доля и других пленных. После вынесения им приговора они провели ночь в башне.

На следующий день, в десять утра, солдаты из подразделения Парижского батальона пришли за ними, чтобы отвести их на место казни. Осужденным связали руки за спиной. Г-н де Сомбрейль возмутился против подобного унижения. “Ваш король также был крепко связан”, — ответили ему. Он подчинился. Пленных отвели на ваннский пустырь, именуемый la Garenne. Г-н де Сомбрейль шел впереди. Его благородная осанка и горделивый вид контрастировали со смирением и ангельской кротостью епископа Доля: один был жертвой чести, другой мучеником веры. Было очевидно, что один презирал жизнь, а другой жаждал смерти. Жители Ванна, сопровождавшие их, проливали слезы. Но если молодой воин пробуждал к себе неизбывный и трогательный интерес, то к почтенному епископу испытывали благоговейные, поистине священные чувства. Когда, прибыв на место казни, их поставили на линию огня, г-н де Сомбрейль отказался встать на колени, а дольский епископ попросил, чтобы ему обнажили голову. При виде его ясного чела, уже озаренного светом жизни

небесной, народ проникся божественным почтением; боль умолкла. Г-ну де Сомбрейлю протянули повязку. “Нет, — ответил он, — я предпочитаю смотреть в лицо своим врагам”. И когда солдаты взяли его на прицел, он крикнул им: “Цельтесь правее, иначе промахнетесь!” Едва он произнес эти слова... как его не стало!»

Участь г-на де Сомбрейля и других осужденных не оставила нам никакой надежды. На следующий день, 31-го, подразделение 72-го полка явилось забрать сто пятьдесят заключенных, чтобы препроводить их в Ванн. Вместе с другими офицерами из Морского королевского полка я оказался в их числе.

Глава IV

Прибытие в Ванн. — Положение пленных. — Их мысли, их воспоминания. — Допрос. — Г-н де Коатюдавель не желает спасти свою жизнь посредством лжи.

В десять утра мы пешком отправились в Ванн. От Оре до Ванна пять лье; мы прошли их за четыре часа. М-м де Бокозель следовала за мужем и до самой смерти не покидала его ни на минуту. Мы восхищались мужеством этой редкостной женщины. Заботясь о супруге, утешая его, она не ограничивала свои заботы им одним, а утешала нас всех, сострадала каждому из нас.

По прибытии в Ванн нас отправили в церковь при семинарии. И вскоре она заполнилась мужчинами и женщинами, которые позаботились о нас точно так же, как и добрые жители Оре. У нас тотчас появилась всевозможная еда; каждый старался угостить нас как можно лучше и радовался, когда это удавалось; бедняк, богач — все старались помочь нам, без различия сословий и состояний. О, как растрогало нас такое равенство! Мы были взволнованы до слез; сознание ужаса нашего положения постепенно притуплялось. Сладкие грезы побуждали нас дорожить нашими оковами; в этой тюрьме мы вновь обрели свое отечество, снова видели наш народ таким, каким он был в дни своей славы и счастья: сострадательный, человеколюбивый, великодушный. Каждый говорил себе: «По крайней мере, я умру на родной земле!» — и мысль эта становилась для каждого новым источником мужества. Воспоминания о тех днях до сих пор

обладают для меня невыразимым очарованием, ибо мне снова пришлось покинуть пределы своей родины.

Все сто пятьдесят человек разместили в помещении церкви; среди узников преобладали офицеры морского флота. Четыре дня, с 31 июля по 3 августа, проведенные в этом узилище, оставили в моем сердце неизгладимое впечатление. В храме, где мы находились, всё напоминало о смерти; звания и возрасты смешались. Здесь ребенок спал рядом со старцем, любовно на него взиравшим; там отец сжимал в объятиях сына; еще дальше супруг увлажнял слезами последние слова письма, которое он писал жене; заключив друг друга в объятия, двое друзей клялись больше никогда не разлучаться. Стоило вызвать одного из нас на допрос, иначе говоря, на смерть, как все порывались следовать за ним и одновременно прощались с ним навечно.

Картины горечи и страха чередовались со сценами кроткими и жалостливыми. Узники разделились на несколько групп; какой-то флотский капитан лежал на соломе, а вокруг него расположились офицеры, сражавшиеся под его началом. Старость предавалась мрачным размышлениям, молодость погружалась в воспоминания; достойнейшие чувства человеческой природы и живейшие проявления дружбы зачастую служили поводами для долгих разговоров... Суровый настрой старших, сосредоточенно размышлявших о чем-то очень серьезном, иногда нарушали молодежь, не желавшая отказывать себе в веселье, или не прекращавшие своих игр дети. Однако, несмотря на разнообразие голосов, мыслей и чувств, все в равной степени ощущали свою обреченность и пребывали в смиренном ожидании. И все же, находясь в обители смерти, жертвы хранили спокойствие. Жители Ванна были взволнованы и растроганы; но никогда еще чувства не проявлялись столь ярко, как в тот раз, когда после общей молитвы, словно по святому вдохновению, мы, сообщая воздев руки и возвысив голос, попросили у Неба счастья для Франции. Солдаты, охранявшие нас, сначала застыли от изумления, а потом пришли в восторг; вскоре, движимые религиозными чувствами, пробудившимися в их сердцах, они пришли к нам, и их сочувствующие голоса присоединились к нашим молитвам.

31 июля допросили десятерых; 1 августа — шестьдесят человек, 2 августа — сорок оставшихся. Республиканский офицер, ставший свидетелем допроса, сказал мне, что пленники удивили зрителей своей стойкостью и достойными ответами. Никто не проявил даже

минутной слабости. Один из моих товарищей, г-н Тронжоли, заявил судьям: «Я требую правосудия для моего слуги. Когда я вывез его из Франции, он не знал о моих планах; он никогда не брал в руки оружия; я один виноват в том, что он эмигрировал».

Следом перед трибуналом предстал г-н де Коатюдавель, с виду необычайно юный и хрупкий. Но когда его спросили, сколько ему лет, он ответил, что ему тридцать. В порыве сочувствия один из судей обратился к нему: «Но, сударь, это невозможно! На вид вам даже двадцати не дашь». «Я не хочу, — ответил г-н де Коатюдавель, — выкупать свою жизнь ценой лжи».

2 августа расстреляли сразу семьдесят приговоренных; на следующий день еще сорок два; грохот ружейных залпов долетал до нас. Когда раздавались роковые звуки, нас охватывал ужас, а бывший с нами священник начинал вслух читать молитвы по усопшим.

При описании этих варварских казней сердце мое содрогается по-прежнему. Возможно, никогда еще не уничтожали сразу столько невинных жертв: за один миг погибали те, кто внушал уважение, восхищение и любовь. Не пощадили никого и ничего: ни почтенную старость, ни выдающиеся заслуги, ни великие таланты, ни кристальную добродетель, ни нежную юность. Морской флот потерял сотню офицеров, из которых одни были его гордостью, а другие подавали надежды стать таковыми в будущем. О, мои несчастные товарищи! Я пережил вас, но я всегда буду вас оплакивать. Я хотел бы назвать всех поименно, но сумею ли я здесь воздать вам по достоинству? Уверен, пройдет час, когда сторицей будет вознаграждена память о вас, и не ошибусь, если скажу, что настанет день, когда, вернувшись в наши военные порты, французы ужаснутся, увидев их опустевшими, и спросят нас, что стало с теми офицерами, которые в обоих полушариях гордо блюли славу и честь своей родины. И мы ответим им: «Эти люди, которых ценили за то, что они всегда были готовы отразить нашествие врага, погибли от рук ваших тиранов. Идите на могилы этих доблестных офицеров, водрузите там флаг, который они почитали, ветер станет развеивать его, и их души утешатся».

В нашей церкви осталось сорок человек, получивших отсрочку, которую народный представитель Блад дал слугам и всем тем, кому не исполнилось шестнадцати, когда они эмигрировали, а также тем, кто выехал из страны до 1789 года.

В следующей главе мы увидим, каким образом я попал в их число.

Глава V

Меня уговаривают совершить побег. — Мой допрос. — Отсрочка. — Чувства наших товарищей, которым предстоит умереть; их молчание спасает нам жизнь.

1 августа, в полдень, республиканский офицер, с которым я познакомился в Оре, вместе со своим товарищем пришел к нам в церковь. «Какая радость! — воскликнул он при виде меня. — Вы живы! — И добавил: — Вот друг, который не меньше меня тронут вашими несчастьями. Сейчас мы должны уйти: служба обязывает, но мы вернемся вечером, поэтому если придут и станут вызывать на допрос, не выходите».

Оба офицера вернулись в четыре часа. Тот, которого мне представили сегодня утром, очень внимательно смотрел на меня, и я, наконец, узнал его: мы вместе учились в коллеже ***. Самые трогательные воспоминания детства и самые искренние чувства, присущие натуре его, пробудились у него в сердце, и он бросился ко мне в объятия, восклицая: «Нет, друг мой, вы не умрете!» Омывая меня слезами, он больше ничего не мог выговорить. Его товарищ, вырвав меня из дружеских объятий, сказал ему: «Вы слишком взволнованы; у солдат, несущих охрану, могут возникнуть подозрения. Завтра мы утром придем сюда и спокойно подумаем о том, каким образом можно получить отсрочку; выигрыш во времени очень много значит».

На следующий день в семь часов утра оба офицера пришли в церковь, ставшую нашим пристанищем. Мы расположились в укромном уголке. Я все время порывался выразить товарищу по коллежу всю свою признательность. «О какой признательности вы говорите! — с жаром воскликнул он. — Говорите только о моем счастье». Вскоре, увлекаемые естественными порывами, мы принялись вспоминать всевозможные случаи из нашего детства: такого рода воспоминания всегда обладают неизъяснимым очарованием. Мое положение окутывало их мрачной меланхолией. Готовый в последний раз вспомнить всю свою жизнь, я пробудил в товарище своих детских лет воспоминания о том возрасте, когда игра доставляет главные удовольствия, а невинные желания по праву именовются страстями; когда дружба, душевные отношения двух юных сердец обладают чистотой и свежестью первого чувства.

В излияниях час пролетел незаметно; о, с какой горечью возвращались мы в день сегодняшний! Все это время мой товарищ не переставал восхищаться мужеством узников: он сказал мне, что вчерашние казни внушили всем ужас, и только самые сильные угрозы могли заставить солдат подчиниться и исполнить приговор.

Положив конец воспоминаниям, мы стали продумывать ответы, которые мне предстоит дать, когда я предстану перед судом. Договорились, что я буду просить, чтобы меня вызвали на допрос первым, и что я назовусь ***, ибо под этим именем меня мало кто знал, но если мне будет предоставлена отсрочка, под этим именем меня смогла бы узнать моя семья.

3 августа в семь часов утра я вышел вместе со всеми, кого должны были отвести на допрос. Допрашивали нас в особняке Гувело.

Вот подробности моего допроса. Я стоял напротив председателя; у меня за спиной находился зал для публики, где размещались около ста человек.

Вопрос. Ваше имя, гражданин?

Ответ. ***

Вопрос. Когда вы эмигрировали?

Ответ. Я не эмигрировал; я выехал из Франции до начала революции.

Вопрос. Вы сражались с оружием в руках против Республики?

Ответ. Нет.

Вопрос. Но вы же были в числе высадившихся на Кибероне?

Ответ. Да, это правда, но я не принадлежал ни к одной воинской части.

Вопрос. Вы были дворянином?

Ответ. Нет.

Тогда председатель спросил:

— Скажите, гражданин, что вынудило вас покинуть Францию?

Ответ. Я уехал из Франции в 1789 году, чтобы от имени торгового дома ***, собственность которого большей частью находилась в Сан-Доминго, предпринять меры по возврату долга. В мае, поступив на службу к негодяю по имени Эверевенден, я сел на корабль в Нанте и покинул Францию; у этого негодяя я проработал довольно долго. Но потом человек этот, заменивший мне отца, оказался банкротом, и ему пришлось уехать в Шотландию. Я расстался с ним; но во Францию я возвращаться не хотел, ибо тогда там правил Робеспьер; в результа-

те я оказался в Лондоне и без средств к существованию. Квартирмейстер французской армии предложил мне вести его счета, и я поступил к нему на службу. Когда мы отплыли, я думал, что мы идем на Джерси, но оказался на Кибероне; когда же я решил вернуться в Англию, форт уже был взят. Гражданин, если бы вместе с вещами я не потерял бы и свои бумаги, я бы с легкостью доказал подлинность своих слов; но я надеюсь, что ваше правосудие даст мне отсрочку, чтобы я смог раздобыть доказательства своей правдивости.

Вопрос. Гражданин, негодник, при котором вы состояли, исповедовал оппозиционные взгляды?

Ответ. Я не интересовался его политическими убеждениями.

Тогда председатель мягко сказал мне:

— Будьте спокойны, с вами обойдутся по справедливости.

При этих словах зал, до сих пор хранивший угрюмое молчание, заплодировал, выразив тем самым живейшую радость. Я прошел в помещение, где ожидали допроса мои товарищи по несчастью, и попросил их сделать вид, что они меня не знают. Г-н д'Антрешо выдал себя за слугу. В полдень комиссия завершила заседание, поскольку успела допросить всех. В час дня ко мне в тюрьму вместе с подругой пришла Софи и стала громко вызывать меня по моему настоящему имени. Сей поступок мог оказаться для меня роковым. Подойдя к окошечку, я обратился к ней: «Гражданина, которого вы спрашиваете, здесь нет; приходите сегодня вечером в дом, где содержатся арестанты, и гражданин *** сообщит вам, где его искать». Софи была так опечалена, что не поняла смысла того, что я ей сказал; но ее подруга поняла все правильно, и увела ее.

С полудня до четырех часов я провел время в обществе тех, кто в этот день также побывал на допросе. Я вряд ли бы ошибся, сказав, что чем ближе ощущалось дыхание смерти, тем более спокойными они казались. Ученик навигационной школы г-н де Пайан, который был всего на полгода старше возраста, дававшего право на отсрочку, уверенно сообщил, сколько ему полных лет, хотя на лицо он выглядел гораздо моложе. Напрасно председатель убеждал его не прибавлять себе годы: тот стоял на своем, и председатель не смог его спасти.

В четыре часа дня прибыло подразделение, которому предстояло привести приговор в исполнение; секретарь суда вызвал тех, кому вынесли смертный приговор. Имя г-на де N*** в списке было написано нечетко, поэтому, услышав имя, лишь напомилавшее его

собственное, он не откликнулся, а секретарь быстро продолжил перекличку. Секретарь уже собирался уходить, когда г-н де N*** оставил его: «Уверен, — сказал он, — это мое имя вы произнесли неправильно». И г-н де N*** последовал за своими товарищами.

Когда перекличка завершилась, капрал связал осужденным руки за спиной. Видимо, чтобы добавить ужаса к этой сцене, впереди велели идти тем, кому было приказано рыть им могилы. Расстреляли двадцать восемь человек; двенадцать получили отсрочку, в их числе я и г-н д'Антрешо. Когда наши несчастные товарищи в последний раз обернулись, то, глядя на нас, они сказали: «Не забывайте нас; мы рады, что вам удалось спастись». Но мы не чувствовали никакой радости от нашего спасения; в нас пробуждались какие-то иные, неведомые прежде чувства. Нам хотелось обмануть самих себя и потребовать, чтобы нас присоединили к идущим на смерть товарищам. Сердце, пораженное не знаю какими угрызениями, раздираемое горем, заставило нас испытать муки более жестокие, чем сама смерть, которой мы только что избежали. Спустя полчаса мы услышали роковой залп, и вскоре мимо нас на телеге провезли окровавленные останки наших друзей. Удрученный, я резко опустился на пол. Напрасно пытался я обрести хоть какой-нибудь покой; жуткие видения преследовали меня. Наконец, после долгих и мучительных терзаний я услышал голос, успокоивший мои чувства: это был голос Софи. Она пришла, но я не сразу ее заметил. Всех, кому различные комиссии дали отсрочку, на следующий день, 4-го числа, перевели в ваннскую башню; нас было сто восемь.

Глава VI

Мое пребывание в башне Ванна. — Великодушие и сострадание женщины из народа. — Мой побег.

Оба моих друга пришли навестить меня в башне. Не стану даже пытаться описать их радость: они больше меня были счастливы, что я остался жив. Завтра им предстояло покинуть город, и они хотели подарить мне сегодняшний день. Как сладостны были минуты, проведенные нами вместе, сколь трогательным стало наше расставание! Верные и смелые друзья, это воспоминание надолго останется в на-

ших сердцах! Увлекаемые каждый своей судьбой, мы сражались под разными знаменами; но вы искренне верили, что служите вашей родине: печальное заблуждение, которое слава, похоже, решила поддержать и которым так ловко воспользовались ваши тираны! Но посреди стольких преступлений вы сохранили свою чистоту, и если я сражался против революции, то вы смягчали причиненные ею несчастья.

6-го числа солдат из армии «синих», которому г-н д'Антрешо во время взятия форта передал свой кошелек, узнал, что тот не погиб, и пришел в Ванн, чтобы вернуть д'Антрешо его кошелек. До 16-го все обстояло спокойно.

16-го предводители шуанов сообщили пленникам, что если те решат поднять мятеж, то под покровом ночи шуаны придут им на помощь. Всего в городе разместили две тысячи пленных, а охраняли их не более шести сотен солдат. Но от двух солдат из полка д'Эрвийи «синие» узнали об этих переговорах. Перед тюрьмой установили пушки. Семерых предводителей шуанов расстреляли на месте.

На следующий день в башню прибыл генерал Лемуан и предупредил нас, что при малейшем намеке на беспорядки он прикажет всех нас расстрелять картечью. Свирепые речи этого человека возмутили даже солдат.

18-го в Ванн приехал народный представитель Блад: он позволил жителям, как и прежде, приходить в места нашего заключения, начиная с восьми утра и до полудня, а потом с двух и до восьми вечера. Также он поспешил обнадежить тех, у кого среди нас оказались родственники. Казалось, он не питал никакого беспокойства относительно нашей участи и, как мне казалось, совершенно искренне. Это ему мы были обязаны отсрочкой; кроме того, он как мог старался смягчить наше положение.

Генерал Лемуан разместил пленных солдат в лагере, обустроенном на месте городских гуляний, прямо напротив нашей башни, так что те, кто служил под нашим началом, заметив нас, вполне могли нас узнать. С тех пор мы думали только о том, как бы совершить побег. Прежде всего, следовало найти в городе дом, где бы мы могли скрыться на первое время. Но хозяйке дома, который нам назвали, пришлось ждать нас целую неделю, и все это время она ночевала на матрасе за дверью.

У нас под окнами, иначе говоря, совсем рядом с нами, расхаживали двое часовых. Однажды, когда на променаде было особенно мно-

го народу, часовой сказал своему напарнику: «Готов держать пари, что с первого взгляда отличу роялиста от патриота» — и, завидев проходящую мимо женщину с благородной осанкой, бросился к ней с вопросом: «Вы, гражданка, несомненно, патриотка?» — «Да, — ответила та, — как Шаретт²». И оба солдата расхохотались.

16-го Софи заболела; она пришла навестить меня только 20-го числа. Мою милую подругу обуревали самые мрачные предчувствия. Она неизменно убеждала меня, что опасности, коим я могу подвергнуться, пытаюсь бежать, неизмеримо меньше тех, которым мы подвергаемся, оставаясь здесь.

27-го еще ничего не предвещало беды. 28-го на допрос вызвали двоих. Я не смог предоставить доказательства правдивости слов, сказанных мною во время первого допроса... Вскоре я узнал, что Конвент издал приказ расстрелять всех эмигрантов, вплоть до слуг.

С этого времени все наши мысли были направлены на поиск способов избежать смерти, казавшейся неизбежной. И вот за несколько дней до того, как пришли забирать последних заключенных, на самом верху башни, непосредственно под крышей, я обнаружил укромный уголок. Забрав с собой матрасы, мы с г-ном д'Антрешо немедленно перебрались туда, попросив наших друзей сначала сказать, что нас отправили на допрос, а потом сообщить о нашей смерти при каких-нибудь правдоподобных обстоятельствах. За пленниками приходили до полудня. В четыре часа мы услышали ружейный залп. В семь часов вечера пришли и забрали всех, кто был на месте. Я слышал, как офицер спрашивал, не осталось ли в башне еще кого-нибудь. Ему ответили, что нет.

Попробуйте представить себе наше положение: вынужденные стоять на площади в шесть квадратных футов, мы прятались за матрасами, едва осмеливаясь дышать; нас терзал страх, ибо в любую минуту нас могли обнаружить. Так мы провели два дня, непрерывно испытывая нестерпимый ужас витавшей вокруг нас смерти. Я ни за что не забуду того часа, когда смерть подобралась к нам совсем близко. После казни пленных жители городка пришли в башню забрать вещи, которыми они снабдили узников, хотя солдаты и не хотели их отдавать.

«Как можно, сначала вы убили этих несчастных, — кричали горожане, — а теперь хотите обокрасть нас!» Какая-то женщина из на-

²Франсуа Шаретт де ла Контри (1763-1796) — офицер, сыгравший одну из главных ролей в войне в Вандее, командующий Католической королевской армией. Расстрелян в Нанте.

рода, явившаяся больше, чем ее товарки, обнаружив наш закуток, вцепилась в матрас, но, заметив нас, тотчас отпустила его и воскликнула: «Нет, я ошиблась, здесь ничего нет», — и пошла прочь.

В девять вечера мы переоделись и вышли из башни. Нам плохо объяснили, где стоит дом, в котором нас ждут, поэтому мы постучали в соседний дом. Испугавшись разоблачения, мы хотели убежать, но хозяин дома нас успокоил. «Ничего не бойтесь, — сказал он, — вижу, что вы из этих, из несчастных эмигрантов. Мой дом в вашем распоряжении; можете остаться у меня». Слезы, коих чувствительность наша не могла сдерживать, стали ему ответом. Он проводил нас в дом, куда мы должны были прийти и где мы прятались с 30 августа по 17 сентября.

Мы обошли молчанием целый ряд подробностей нашего побега, опасаясь невольно указать на наших благодетелей, и таким образом подвергнуть их риску столкнуться с яростью наших убийц.

Глава VII

Шуаны. — Мое прибытие на английскую эскадру.

7 октября нам предложили воспользоваться возможностью вернуться на корабль английской эскадры. И мы с г-ном д'Антрешо отправились в указанный дом, расположенный за пределами города. На следующий день за нами явились две женщины. Мы облачились в крестьянскую одежду.

Мы вышли в девять часов и, пройдя одно лье, увидели, как из-за живой изгороди выскочили четверо здоровяков, вооруженных палками с железными наконечниками. Смеясь, они подскочили к нам: «Черт побери, “синих” мы бы уже отправили на тот свет, но вас мы знаем». Счастливо избежав последствий подобной встречи, мы продолжили путь и после четырех часов пешего пути, наконец, прибыли в какую-то деревню. Одна из женщин, что была с нами, проводила нас в дом, где после того, как она шепнула хозяевам несколько слов на бретонском, нам принесли обед. Когда мы уходили, эти добрые люди осыпали нас благословениями; как мы ни старались, нам не удалось убедить их принять от нас хоть какую-нибудь плату. Чтобы добраться до следующей деревни, куда мы должны были прийти, предстояло перебраться через реку.

Когда мы собрались переправляться, шуаны закричали нам: «В деревню только что нагрянули “синие”». Мы стали ждать, и ждали до тех пор, пока деревню не покинул отряд из двенадцати «синих»; только после их ухода мы вошли в деревню.

Тогда человек, которому нас рекомендовали, сказал нам: «Завтра вам надо выйти в десять утра, чтобы успеть к месту посадки на корабль; в провожатые я дам вам двух своих людей; один из них пойдет впереди, чтобы иметь возможность предупредить вас, если на дороге он наткнется на патруль».

Неожиданно мы услышали шум; это еще один взвод «синих» вошел в дом по соседству с нашим. Мы спрятались в амбаре, а на следующий день, ранним утром, ушли в сопровождении двух проводников. Мы шли по полям, продираясь через живые изгороди из колючего кустарника.

После двух часов пути мы добрались до дома, где нас уже ждали: там мы пробыли до 20-го числа, а в восемь утра за нами пришла лодка и отвезла нас на корабль английской эскадры, дрейфовавшей в виду берега. Сэр Джон Уоррен встретил нас радостно. Через некоторое время на борт его судна прибыл капитан Берти. К этому времени я уже перебрался на корабль «Непобедимый», но капитан попросил меня вернуться. Офицеры английской эскадры отнеслись к нам с вниманием, заботой и предупредительностью.

Я получил письмо от Софи; оно заканчивалось следующими словами: «Бегите с этой несчастной земли». Моя дорогая подруга прислала мне те немногие деньги, что у нее еще оставались.

Софи! Ты сделала больше, чем вырвала меня из лап смерти: ты скрасила дни, которые в противном случае заполнили бы горечь и тоска.

Я уношу с собой в изгнание твой кроткий и отрадный образ.

Перевод с французского Елены МОРОЗОВОЙ

